

КСАНФ

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ХАМЕЛЕОНА

Пирс Энтони

Ксанф

Пирс Энтони

Закливание для Хамелеона

«Феникс»

1977

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-445.1

Энтони П.

Заклинание для Хамелеона / П. Энтони — «Феникс»,
1977 — (Ксанф)

ISBN 978-5-222-42031-7

«Лучший роман года», премия Британского общества фэнтези 1978 г.
Волшебное начало захватывающей серии романов «Ксанф» Пирса Энтони.
Ксанф – зачарованная страна, в которой правит магия: каждый ее житель обладает уникальным талантом. Это край кентавров, драконов и василисков. Однако для Бинка из деревни Северянка жизнь в Ксанфе отнюдь не похожа на сказку. Он единственный, кто не обладает магическим талантом. И если он не обнаружит оный – и как можно быстрее! – то будет изгнан навеки. Однако добрый волшебник Хамфри убежден, что Бинк обладает магией. Более того, демон Борегар и волшебная настенная картинка настаивают на том, что талант у Бинка есть, причем по силе способный сравниться с магией короля, доброго волшебника Хамфри или даже злого волшебника Трента. Но даже при всем при этом никто не может постичь особый талант Бинка. Бинк в отчаянии. Это даже хуже, чем вообще не иметь магии... и это не спасает его от изгнания! Так и начинается захватывающая серия романов «Ксанф» Пирса Энтони...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-445.1

ISBN 978-5-222-42031-7

© Энтони П., 1977
© Феникс, 1977

Содержание

Глава 1. Ксанф	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Энтони Пирс

Закливание для Хамелеона

Глава 1. Ксанф

На буром камне пристроилась ящерка. Почувствовав угрозу – по тропинке приближались люди, – она превратилась в лучевика, потом в жука-дихлофоса, потом в огненную саламандру.

Бинк улыбнулся. Это были не настоящие превращения. Ящерка принимала облик отвратных монстриков, но не их суть. Ни поражать лучом, ни вонять, ни гореть она не могла, будучи просто-напросто хамелеоном. Хамелеоны прибегают к магии, принимая вид действительно опасных существ.

Но все же, когда ящерка преобразилась в василиска и уставилась на Бинка лютым взглядом, от его веселья не осталось и следа. Если бы такая злоба могла поразить, он умер бы ужасной смертью.

Но внезапно с неба спикировал стрекоястреб и схватил хамелеона клювом. Издав пронзительный визг, хамелеон забился в судорогах, потом тело его обмякло, а стрекоястреб взмыл ввысь. Притворство не спасло хамелеона. В тот самый миг, когда он пытался напугать Бинка, его погубило другое существо.

Эта мысль не покидала сознания Бинка. Ящерка безвредна – в отличие от других представителей неодомащенного Ксанфа. Не была ли разыгравшаяся перед ним сценка своего рода знаменем, легким намеком на уготованную ему участь? Знамения – дело серьезное: они всегда сбываются, только правильно их понять удастся лишь тогда, когда уже слишком поздно. Неужели Бинк обречен на лютую погибель? А может, наоборот, кто-нибудь из его врагов?

Но, насколько он знал, врагов у него не было. Сквозь магический щит сияло золотое солнце Ксанфа, выбивая из деревьев искорки. Каждое растение обладало своими чарами, но никакое волшебство не могло отменить потребности в свете, воде, доброй почве. Наоборот, волшебство употреблялось для того, чтобы все необходимое растениям стало доступнее и чтобы спасти их от истребления – но лишь пока его не одолеет более сильная магия. Или невежество, как случилось с хамелеончиком.

Бинк посмотрел на свою спутницу, как раз оказавшуюся в наклонном луче света. Он, конечно, не растение, но и у него есть потребности – и даже самый беглый взгляд на девушку заставил его ощутить эти потребности особенно остро. Сабрина потрясающе красива, и при этом красота ее совершенно естественна. Другие девчонки улучшали внешность с помощью косметики, накладочек, специальных заклинаний, но рядом с Сабриной все они выглядели несколько искусственно. Она – не враг, это точно!

Они вышли к Обзорному камню. Сам по себе камень был не сильно высок, но благодаря местной магии казался намного выше, чем есть на самом деле; с него можно обозревать почти четверть Ксанфа: разноцветную растительность, симпатичные озерца, обманчиво тихие цветочные и папоротниковые луга, желтеющие нивы. Прямо на глазах Бинка одно из озер чуточку увеличилось в размерах, желая казаться прохладнее и глубже – местом, наилучшим для купания.

Это на мгновение обеспокоило Бинка. Такое нередко с ним случалось. Ум у него пытливый, непокорный, вечно досаждают вопросами, на которые не сразу ответишь. Еще ребенком он частенько доводил родителей и друзей до грани отчаяния вечными: «А почему солнце желтое?», «А почему огры-великаны гложут кости?», «А почему морские монстры не колдуют?» – и тому подобной младенческой ерундой. Неудивительно, что его очень скоро сдали кентаврам

на обучение. Теперь-то он научился сдерживать если не ум, то язык, а потому молча переживал ненужные мысли.

Он еще мог понять магию живых существ, того же хамелеона, к примеру. Она обеспечивала им комфорт, выживание, престиж, наконец. Но неживой-то природе магия на кой сдалась?

Не все ли равно тому же озеру, кто в нем купается? Вообще-то, может, и не все равно, ведь озеро – экологическая система, и живущие в нем организмы заинтересованы в развитии этой системы. Или же это заманивает добычу пресноводный дракон? Драконы – самая многообразная и опасная форма жизни в Ксанфе, они водятся в воздухе, в земле, в воде, а некоторые дышат огнем. Общее у них только одно – хороший аппетит. И случается, им не хватает свежего мяса.

А как же тогда с Обзорным камнем? Он совсем голый, даже лишайники не растут, и ни капельки не красивый. К чему ему общество? А если уж оно так нужно, почему бы не причепуриться маленько, а не оставаться серым занудой? А то люди приходят сюда и любуются не камнем, а остальным Ксанфом. Что-то маловато толку в таких чарах.

Но тут Бинк налетел носком башмака на острый камешек. Он стоял на террасе из битого камня, которую сложили в незапамятные времена, когда расколотили огромный разноцветный валун и...

А, так вот оно что! Значит, второй камень, который, судя по всему, стоял поблизости от Обзорного и был примерно того же размера, разбили, чтобы проложить тропинку и сделать террасу. А Обзорный камень уцелел. Никто не захотел расколотить его, потому что тропинка получилась бы уж очень неприглядная, а бескорыстная магия камня и так имела свою пользу. Вот одна малая тайна раскрыта.

И все же, не отставал его неутомимый ум, остаются философские нестыковки. Разве неодушевленный предмет может думать или чувствовать? Что означает выживание для камня? Ведь валун – часть более древнего каменного массива, почему же тогда у валуна есть личные свойства, а у массива нет? Кстати, тот же вопрос уместен и по поводу человека: он состоит из тканей съеденных им растений и животных, но при этом имеет...

– О чем ты хотел поговорить со мной, Бинк? – скромно опустив глазки, спросила Сабрина.

Можно подумать, она не знает! В голове у Бинка выстраивались нужные слова, но язык не поворачивался произнести их. Он знал, какой ответ ему придется выслушать. Никто не имеет права оставаться в Ксанфе после двадцати пяти лет, если до той поры не проявит магический талант. До рокового дня рождения Бинку оставался всего месяц. Он уже далеко не ребенок. Может ли она выйти замуж за того, кому так скоро предстоит изгнание?

Почему он не подумал об этом, прежде чем привести ее сюда? Срамотища, да и только! Теперь непременно надо сказать ей что-нибудь, иначе он и ее поставит в неловкое положение.

– Я только хотел взглянуть на твою... твою...

– На мою – что? – осведомилась она, кокетливо приподнимая бровь.

Он почувствовал, как по горлу поднимается жаркая волна.

– Твою голограмму, – выпалил он.

Разумеется, ему хотелось увидеть да и потрогать не только ее голограмму, но это можно только после свадьбы – вот такая она девушка, и оттого только милее. Самым прелестным совсем не обязательно выставлять свои прелести напоказ...

Ну, оно не совсем так. Бинку вспомнилась Аврора, которая тоже не без прелестей, но тем не менее...

– Бинк, есть такой способ... – сказала Сабрина.

Он скользнул по ней взглядом и быстренько отвернулся в смятии. Уж не предлагает ли она?..

– Добрый волшебник Хамфри, – безмятежно продолжила Сабрина.

– Что?

Он-то подумал совсем о другом. Щас, размечтался!

– Хамфри знает сотню заклинаний. Может, какое-то из них... Уверена, он сумеет определить, в чем твой талант. И тогда все будет хорошо.

Вот так!

– Но за одно-единственное заклинание он потребует год службы, – возразил Бинк, – а у меня только месяц.

Ну, это не совсем так: если волшебник определит, в чем талант Бинка, то и изгнание ему не грозит, а стало быть, год у него будет. Бинк был глубоко тронут верой Сабрины в него. Она не говорит того, что говорят все прочие: дескать, нет у него магии. Она предпочитает считать, что его магия просто еще не проявилась. Как мило с ее стороны!

Возможно, именно эта вера и привлекла его к Сабрине. Конечно же, она красива, умна, талантлива – подруга, завидная во всех отношениях. Даже будь она поплоче во всем, все равно для него нет никого желаннее...

– Год – это не так долго, – проговорила Сабрина. – Я буду ждать.

Бинк в задумчивости уставился на свои руки. С правой все нормально, а вот на левой он еще в детстве лишился среднего пальца. И злая магия здесь совершенно ни при чем. Просто баловался с тесачком, прижав к земле спиральку змей-травы и вообразив, будто рубит хвост дракону. А что, чем раньше мальчишка начнет готовиться к серьезной жизни, тем лучше. Как раз когда он замахивался, спиралька вырвалась у него из рук, он попытался ее схватить и со всей мочи заехал тесачком по пальцу.

Ох и больно было! А главное, не мог ни разораться, ни пожаловаться: ему ведь строго-настрого запретили играть с тесаком. Пришлось изо всех сил сдерживаться и страдать молча. Палец он похоронил, а потом несколько дней скрывал свое увечье, не разжимая ладонь. Когда же правда все-таки обнаружилась, восстановительная магия уже не могла помочь: палец сгнил, и приставить его назад не было никакой возможности. Конечно, достаточно сильный морок мог бы и подействовать, но палец остался бы пальцем-зомби.

Бинка тогда не наказали. Мать его, Бьянка, решила, что он и так получил хороший урок. Не то слово! Когда в другой раз вздумает побаловаться с тесаком, уж не забудет последить за пальчиками. Отец, похоже, втайне гордился, что Бинк выказал столько мужества и выдержки, хоть и пострадал по собственной вине.

– Силы духа парню не занимать, – сказал тогда Роланд. – Ему б еще магии...

Бинк резко оторвал взгляд от ладони. Пальца он лишился пятнадцать лет назад. И вдруг год службы оказался ему сроком недолгим. Всего год – а взамен целая жизнь с Сабриной! Неслабая сделка!

И все же, а если у него не обнаружится магии? Отдать год жизни за подтверждение неизбежности изгнания в жуткий мир бездарей? Тогда не лучше ли примириться со ссылкой, сохранив пустую надежду, что у него все же имеется скрытый талант?

Сабрина, оставив Бинка наедине с его маловразумительными мыслями, начала выстраивать голограмму. Перед ней возникла голубая дымка. Она нависла над склоном, разрослась, густея посередине и разреживаясь по краям, пока не стала всего два локтя в диаметре. Дымка не рассеивалась и никуда не уплывала.

Сабрина запела без слов. У нее был хороший голос – несильный, но вполне подходящий для ее магии. При этих звуках дымка заколебалась и уплотнилась, превратившись в неровный шар. Потом Сабрина изменила тональность, и оболочка шара пожелтела. «Девушка», – пропела Сабрина, и облачко обрело форму девушки в голубом платье с желтыми оборочками. Изображение получилось трехмерное, видимое со всех сторон под любым углом зрения.

Чудесный талант! Сабрина могла изваять что угодно – но бесплотные картинки пропадали, стоило ей чуточку ослабить внимание. Так что, строго говоря, талант ее был бесполезен. Он не мог сколько-нибудь существенно улучшить жизнь своей обладательнице.

С другой стороны, а много ли талантов вообще помогают своим носителям? Один может взглядом заставить листок завянуть и отвалиться. Другой способен вызвать запах прокисшего молока. Третий умеет извлечь прямо из земли пузырьки идиотического смеха. Все это, вне всякого сомнения, магия – но много ли в ней толку? Почему эти люди признаются полноправными гражданами Ксанфа, тогда как Бинк, умный, сильный, привлекательный, такого права лишен? И все же закон нерушим: всякий, не обладающий магией, должен покинуть Ксанф, когда ему стукнет четверть века.

Сабрина права: Бинку необходимо точно определить, в чем же именно состоит его талант. А поскольку он так и не сумел обнаружить это самостоятельно, придется заплатить доброму волшебнику положенную цену. Тогда он не только избежит ссылки – такая участь похуже смерти, ведь разве это жизнь, без магии? – но и получит Сабрину, а это уж всяко лучше, чем смерть. К тому же тогда он наконец вернет себе самоуважение. Выбора нет.

– Ой! – вскрикнула Сабрина, хлопнув себя ладошками по роскошной попке. Голограмма растаяла: девушка в голубом платье, представ на мгновение искореженной страхолюдиной, исчезла.

– Как кольнет!

Встревоженный Бинк шагнул к ней, и тут же раздался громкий подростковый смех. Сабрина, равно прекрасная в гневе и в радости, яростно развернулась:

– Дебилл, прекрати! Это не смешно!

Ну конечно же, умница Дебилл запустил ей в попу магическое шило. Кстати, о бесполезных талантах! Бинк, сжав кулаки так мощно, что большой палец уперся в обрубок среднего, устремился в сторону ухмыляющегося юнца, который стоял за Обзорным камнем. Пятнадцатилетний Дебилл нахален и дерзок, его следует проучить.

Но Бинк споткнулся о камень и потерял равновесие. Рука его дернулась вперед – и пальцы коснулись незримой стены.

И вновь послышался хохот. Бинк не треснулся башкой о стенку только потому, что очень своевременно споткнулся, но, видно, кое-кто решил, что он таки приложился.

– И ты, Щелк, тоже, – сказала Сабрина.

Невидимые стены – это по части Щелка. Его талант как бы дополнял талант Сабрины: невидимая вещественность взамен неведимости видимости. Стена была всего в шесть локтей длиной и весьма недолговечна, но в первые несколько мгновений по крепости не уступала стали.

Бинк мог, разумеется, обождать стену и догнать мальчишку, но тогда невидимая преграда еще несколько раз вырастет на его пути и ему достанется больше, чем наглому мальцу, когда он наконец его догонит. Так что не стоит и трудиться. Будь у него собственный талант вроде Дебиллова шила в заднице, вот тогда бы эти шутники получили по полной программе, несмотря на всякие там стены. Но таланта нет, и Щелк об этом прекрасно знает. Да все об этом знают. В том-то и беда Бинка. Всяк проказник норовит его обидеть: ведь он не может дать сдачи, в магическом смысле. А физически считается полнейшим моветоном. Но сегодня Бинк готов даже на моветон.

– Пошли отсюда, Бинк, – сказала Сабрина.

В ее голосе сквозило отвращение, направленное преимущественно на малолетнее хулиганье, но, как подозревал Бинк, частично адресованное и ему. В нем начала вскипать бессильная ярость: он и раньше много раз испытывал ее, но так к ней и не привык. Отсутствие таланта мешало ему сделать Сабрине предложение, и по той же причине он не может оставаться здесь. Здесь – это и возле Обзорного камня, и в Ксанфе вообще, потому что он не такой, как все.

Они стали спускаться по тропинке. Шутники, видя, что их добыча более ими не интересуется, отправились искать увеселения в другом месте. Пейзаж уже не казался Бинку таким красивым. Может, на чужбине ему будет даже лучше? Может, прямо сейчас и отправиться, не дожидаясь официального изгнания? Если Сабрина и вправду любит его, она последует за ним даже за пределы Ксанфа, в Обыкновению.

Нет, не стоит попусту обольщаться. Сабрина любит его, но и Ксанф она любит. У нее такая прелестная фигурка, такие поцелуйные губки, что ей куда как проще найти здесь другого парня, чем приспособиться к тяготам жизни без чудес. Уж если на то пошло, ему и самому легче найти себе другую девчонку, чем... чем то, что его ожидает. Так что, скорее всего, объективно говоря, лучше ему идти одному.

Только что-то сердце не согласно.

Они прошли мимо бурого камня, где совсем недавно сидел хамелеон, и Бинка передернуло.

– А может, у Джустина спросить? – предложила Сабрина, когда они подходили к деревне. Сумерки здесь опускались быстрее, чем на камне. В деревне зажигали огни.

Бинк посмотрел на необыкновенное дерево, о котором говорила Сабрина. В Ксанфе росло много деревьев, иные из них были незаменимы в хозяйстве. Так, из пивных качали пиво, из нефтяных – топливо, а сам Бинк носил башмаки с большого башмачного дерева, растущего к востоку от деревни. Но Джустин-дерево – это нечто особенное, выросшее не из семечка. Листья его напоминали формой человеческие ладони, а ствол уподоблялся цветом загорелой человеческой коже. Ничего удивительного – ведь прежде это дерево было человеком.

На мгновение Бинку пришла на ум история этого дерева – частичка богатейшего фольклора Ксанфа. Двадцать лет назад жил да был один из величайших злых волшебников – молодой человек по имени Трент. Он обладал способностью мгновенно превращать любое живое существо в какое угодно другое. Не удовлетворенный званием волшебника, присужденным ему в знак признания его могучего таланта, Трент возжелал употребить свой талант на то, чтобы захватить престол Ксанфа. Действовал он без затей: всякого, кто ему противостоял, превращал в нечто такое, что уже не могло противостоять. Тех, кто представлял для него наибольшую угрозу, он превратил в рыб – на суше, предоставив им возможность трепыхаться, пока не околеют. Менее опасных он превращал в животных и растения. Так, некоторые разумные животные своим нынешним обликом были обязаны ему; будучи драконами, двухговыми волками и сухопутными осьминогами, они сохраняли человеческий разум и память о своем происхождении.

Теперь Трента не было, но плоды его трудов остались, ибо не существовало волшебника, способного вернуть его жертвам изначальный вид. Голограммы, шила в заднице, невидимые стены – конечно, все это признавалось за таланты, но превращения – явление совсем иного калибра. Такой мощный талант проявлялся раз в поколение, но почти никогда не повторялся. Джустин чем-то рассердил волшебника Трента – никто не мог вспомнить, чем именно, – и потому стал деревом. И никто не мог расколдовать его.

Джустин умел передавать голос на расстоянии. Это был не расхожий фокус с чревовещанием и не пустяковое умение вызывать идиотский смех, а настоящая членораздельная речь без использования голосовых связок. Став деревом, он сохранил свой талант, и, поскольку теперь у него было полно времени на размышления, жители деревни часто приходили к нему за советом. Часто эти советы оказывались дельными. Джустин не гений, но, будучи деревом, обрел более объективный взгляд на людские проблемы.

Бинку даже подумалось, что Джустину, пожалуй, сейчас лучше, чем когда он был человеком. Поговаривают, что в человеческом облике он был хоть и добродушным, но довольно неказистым. Дерево же из него получилось симпатичное и совсем безвредное.

Они свернули к Джустину. Внезапно прямо перед ними раздался голос:

– Не приближайтесь, друзья. Здесь притаились злодеи.

Бинк и Сабрина застыли как вкопанные.

– Это ты, Джустин? – спросила Сабрина. – Кто, говоришь, притаился?

Но дерево слышало хуже, чем говорило, и ничего не ответило. Похоже, деревья вообще несколько туговаты на ухо.

Бинк рассердился и сделал шаг вперед.

– Джустин – общественное достояние, – начал он, – и никто не имеет права...

– Бинк, прошу тебя, – взмолилась Сабрина и потянула его за руку. – Нам не нужны неприятности.

Да, неприятностей она старалась избегать. Бинк, конечно, не осмелился бы назвать это недостатком, но временами это ее свойство становилось неуместным и неприятным. Сам-то Бинк всегда норовил лезть на рожон, из принципа. С другой стороны, она так прекрасна, а он сегодня и так уже доставил ей достаточно неприятностей. Он повернулся, намереваясь увести ее подальше от дерева.

– Эй, так нечестно! – послышался голос. – Они уходят.

– Наверное, Джустин наябедничал! – воскликнул второй.

– Давай-ка срубим Джустина.

Бинк снова замер.

– Не посмеют! – сказал он.

– Конечно же, не посмеют, – согласилась Сабрина. – Джустин – деревенская достопримечательность. Не обращай внимания.

Но тут вновь раздался голос дерева, чуть в стороне от Бинка с Сабриной, что свидетельствовало об ослабленном внимании:

– Друзья, умоляю, побыстрее приведите короля. У этих негодяев топор. К тому же они наелись дурь-ягоды.

– Топор! – в ужасе вскрикнула Сабрина.

– Короля нет в деревне, – пробормотал Бинк. – Кроме того, он в маразме.

– Уж столько лет вызывал одни летние дожди, – подхватила Сабрина. – Раньше, когда он был в полной силе, мальчишки не смели так распускаться.

– Уж мы-то точно не распускались, – сказал Бинк. – Помнишь, какой он вызвал ураган с шестью торнадо по бокам, когда понадобилось уничтожить последний выводок вжиков? Тогда он был настоящий король Шторм. Он...

Послышался звон врезающегося в дерево железа, а вслед за ним – крик мучительной боли. Бинк с Сабриной подпрыгнули.

– Это Джустин! – сказала она. – Его рубят.

– Все равно за королем бежать поздно, – сказал Бинк и рванул к дереву.

– Бинк, не надо! – крикнула ему вслед Сабрина. – Ты ж без магии!

Вот он, момент истины. Значит, на самом деле она не верит, что у него есть талант.

– Зато при мускулах! – крикнул он в ответ. – Беги за подмогой!

Джустин снова заорал – топор опустился во второй раз. Раздался жуткий деревянный звук, а потом смех. Веселый смех беззаботно резвящихся подростков, не сознающих, к каким последствиям могут привести их действия. Дурь-ягода? Да нет, обычное скотство.

И вот Бинк на месте. Но совсем один. Весельчаки разбежались. А он как раз настроился на добрую драку.

Он мог без труда догадаться, кто это был, но в этом не было нужды.

– Зяма, Пшик и Керогаз, – сказал Джустин-дерево. – О-ой, моя нога!

Бинк наклонился и рассмотрел порез. На фоне башмаковидной коры у основания ствола отчетливо проглядывала белая древесина. На ней проступали капельки красноватого сока,

очень похожие на кровь. Не очень серьезная рана для такого большого дерева, но явно болезненная.

– Я сейчас компресс сделаю, – сказал Бинк. – В лесу неподалеку растет коралловая губка. Пойду нарву. Если кто будет приставать к тебе, ты кричи.

– Обязательно. Только ты побыстрее, – сказал Джустин и, подумав, добавил: – Ты отличный парень, Бинк. Лучше многих, у кого есть... э-э-э...

– У кого есть магия, – закончил за него Бинк. – Спасибо, что хотел пощадить мои чувства. Джустин вовсе не собирался обидеть Бинка, но нередко говорил не подумавши. Такое бывает, когда мозги деревянные.

– Несправедливо, что подонки вроде Зямы именуются гражданами, а ты...

– Спасибо, – буркнул Бинк и отошел.

Он полностью согласен с деревом, да что об этом толковать? Он посмотрел, не прячется ли кто по кустам, чтобы напасть на Джустина, когда дерево останется без защиты, но никого не обнаружил. И впрямь убрались.

«Зяма, Пшик и Керогаз, – мрачно подумал он. – Сволочь деревенское». Зяма умел наколдовать меч – этим-то самым мечом они и рубанули по Джустину. И ведь кому-то такое зверство кажется смешным!

Бинк вспомнил, как сам хлебнул от этой шайки несколько лет назад. Нажравшись дурью-ягод, эта троица засела в засаде возле тропки за деревней. Бинк с приятелем как раз и попались – очутились прямо в облаке ядовитого газа, которое напустил Керогаз. В это время Пшик бросал им прямо под ноги псевдожмы, а Зяма метал мечи, от которых приходилось уклоняться. Ни фи́га себе забава!

Бинков приятель тогда применил магию и смотался: сделал из палки голема, оживил и оставил взамен себя. Голем было не отличить от приятеля, так что шутников удалось околпачить. Бинк, конечно, заметил подмену, но приятеля не выдал. Голему было начхать на ядовитый газ, а вот Бинку нет. Он хватанул немного и отрубился. Тут как раз и подмога подоспела – приятель привел Бинковых родителей.

Бинк очнулся, почувствовал, что вокруг газ, задержал дыхание и увидел, как мать тербит отца за руку и показывает в его сторону. У Бьянки талант повторять события. Она могла отыграть время на пять секунд назад на небольшом пространстве. Магия ограниченная, но очень мощная – позволяет исправить только что сделанную ошибку. Скажем, его вдох.

Тут он снова вдохнул и свел на нет усилия матери. Можно было повторять эту сцену до бесконечности – повторялось-то все, включая и его вдох. Но тут Роланд пристально посмотрел на сына – и тот оцепенел.

Роланд умел парализовывать взглядом. Взглянет разок – и все застывает, да так и стоит, пока Роланд не отпустит. Таким вот путем Бинку не дали второй раз вдохнуть, пока не вынесли, оцепенелого, из ядовитого облака.

Остолбенелость прошла, и Бинк увидел, что лежит в объятиях матери.

– Дитяtko мое! – запричитала она, прижимая его голову к груди. – Они тебе больно сделали?

Бинк резко остановился у самых зарослей губок. Он и сейчас еще краснеет, стоит вспомнить эту сцену. Неужели обязательно было такое говорить? Ну да, мать спасла его от безвременной кончины – зато сделала посмешищем для всей деревни. И надолго. Куда бы он ни пошел, ребятишки визгливо вопили: «Дитяtko мое!» – и скалились. Да, жизнь сохранил, зато честь потерял. И все же он знал, что виноваты тут не родители.

Виноваты Зяма, Пшик и Керогаз.

Конечно, магии у Бинка нет, но, должно быть, как раз поэтому он самый крепкий парень на деревне. Сколько себя помнит, все время драться приходилось. Может, он не такой ловкий, зато уж силы не занимать. Подстерег Зяму в одиночку и очень наглядно доказал, что кулак

будет поубедительней летающих мечей. Потом с Пшиком разобрался и Керогазом тоже: ткнул в его же газовое облачко, так что пришлось тому по-быстрому растворить это дело. С той поры вся троица на Бинка не скалилась, норовила на глаза не показываться. Потому и разбежались, когда он к дереву примчался. Вместе-то они бы его одолели, да, видно, хорошо запомнили встречи с глазу на глаз.

Бинк улыбнулся, смущение сменилось мрачной радостью. Может, он с этим делом разобрался и не по-взрослому. Зато очень приятно. В душе он понимал, что двигала им обида на мать. Но вылилась эта обида на Зяму и иже с ним. Ну и правильно! Мать-то он любит.

Но в конечном счете оставался лишь один способ заставить себя уважать – найти собственный магический талант. Крепкий, сильный, как у Роланда, его отца. Тогда уж никто больше не посмеет издеваться над ним, смеяться, «дитятком» называть. Но этого не случилось. И теперь вся деревня презрительно кличет его «нечудью».

Он нагнулся и сорвал несколько больших спелых губок. Они облегчат страдания Джустина. Такая у них магия – впитывать боль, отдавая довольство и покой. Такими же свойствами обладают и некоторые другие растения и животные – Бинк точно не знал, к какому разряду отнести губки. Но преимущество губок заключается в том, что они способны передвигаться. Сорвать их вовсе не значит погубить. Они очень жизнестойки – вышли на сушу одновременно с кораллами и очень неплохо обосновались. Скорее всего, и волшебные целебные свойства приобрели, чтобы легче жилось в новой среде обитания. А может, еще в воде – коралл-то, он не тупой.

Таланты существуют группами, иногда перекрывая друг друга. Так, в животном и растительном царствах имеется множество разновидностей любого вида магии. Но среди людей магия поразительно разнообразна. Похоже, дело здесь больше в личности, чем в наследственности, хотя самая сильная магия имеет склонность проявляться в определенных семьях. Получается, что сила магии наследуется, а ее тип зависит от условий и обстоятельств. Но есть и другие факторы...

Бинк мог передумать уйму мыслей в одно мгновение. Будь мысли магией, он давно уже был бы волшебником. Но сейчас имеет смысл сосредоточиться, а то не миновать беды.

Сумерки сгущались. Из лесу поднимались жуткие тени, нависали, словно в поисках добычи. Безглазые, бесформенные, они деловито подползали к Бинку, и их целенаправленность была малоприятна. Далеко не вся магия занесена в каталог – сколько еще неизученного! Вот встревоженному взору Бинка явился манящий огонек. Он пошел было за мерцающей точечкой, но вовремя спохватился. Огонек манит из чистого озорства, заведет в чащобу да там и бросит – на милость ночной магии, неведомой и злой. Вот так один из друзей детства пошел за огоньком, да и не вернулся. Серьезное предупреждение!

Ночью Ксанф преображается. Местечки вроде этого, мирные и безопасные днем, становятся ужасом нечеловеческим, едва солнышко спрячется. В погоне за своими потусторонними удовольствиями вылезают призраки и тени, а иногда и зомби выберется из могилы и начнет шастать в округе. Разумные люди по домам спят, и каждый дом в деревне чарами отворотными от нежити защищен. Бинк не решился возвращаться к Джустину напрямик. Придется идти вкруговую, по извилистой, но заговоренной тропке. И не в трусости дело, а так надо.

Бинк побежал – не от страха, поскольку на заговоренной тропке ничто ему не угрожало. Тем более тропки эти он знает как облупленные и ни в жизнь с них не сойдет. Просто надо побыстрее добраться до Джустина. Джустиново тело, конечно, деревяшка, но болит не хуже настоящего. И ведь хватило же у людей хамства – Джустина мечом рубануть!..

Бинк миновал поле улетных курочек, послушал шелест их травяных крыльев. Курево из них получается улетное! Жаль только, трубки удастся забить только до половины – остальное тут же улетает.

Он вспомнил лесных курочек, которых как-то посадил по малолетству. Улетные курочки – твари беспокойные, а уж лесные, так те вообще дикие! Все руки ему исклевали, пока он спелое перышко выискивал. Перышко-то он добыл, только выбрался с полянки весь поклеванный-поцарапанный.

Перышко он посадил за домом, на заветной деляночке, поливал каждый день как положено, из собственного «хобота». Стебелечки стебанутые от всякой напасти оберегал. И все ждал, ждал... То-то приключение для подростка мужеска полу! Пока Бьянка, мать его, деляночку не обнаружила. И на беду тут же распознала, что за зверя он там растит.

Семейная разборка не заставила себя ждать.

– Да как ты посмел?! – выговаривала ему Бьянка, пылая лицом.

Но Роланд еле сдерживал восхищенную улыбку:

– Надо же, курочек насадил. Растет парнишка!

– Роланд, но ты же знаешь, что...

– Родная моя, ну никакого ж вреда в этом нет.

– Никакого вреда?! – возмущенно вскричала Бьянка.

– Совершенно естественное для молодого человека побуждение... – но выражение ярости на лице жены заставило Бинкова отца замолчать. Он ничего во всем Ксанфе не боялся, но дома предпочитал жить мирно. Роланд вздохнул и обратился к Бинку:

– Надеюсь, сынок, ты-то понимаешь, что делал?

Бинк принялся мучительно оправдываться:

– Ну... ну да... Куралесная нимфа...

– Бинк! – предостерегающе взвизгнула Бьянка. Такой сердитой он мать еще не видел.

Роланд поднял руки, призывая к миру:

– Родная, давай мы это дело меж собой обсудим. Как мужчина с женщиной. Мальчик имеет на это право.

Ага, сам себя выдал. Как говорить, так мужчина с женщиной, а как Бинк, так сразу мальчик.

Не сказав ни слова, Бьянка гордо удалилась.

Роланд обернулся к Бинку, качая головой. Но его жест выражал порицание сугубо формально. Роланд, мужчина сильный и привлекательный, использовал жесты по-своему.

– Настоящие лесные курочки, из перышка, взятого с бою, высаженного в полнолуние, увлажненного собственной мочой? – без обиняков спросил он, и Бинк, залившись краской, кивнул. – Чтобы, когда курочки созреют и появится куралесная нимфа, она была подчинена тебе, кумиру плодородия?

Бинк, насупившись, кивнул.

– Поверь мне, сынок, я понимаю, как это заманчиво. Я и сам в твои годы разводил лесных курочек. И нимфу вывел – с развевающимися зелеными волосами и телом, манящим, как лесной простор. Да только забыл я, что поливать надо особым образом, и нимфа от меня убежала. И больше я в жизни не видел ничего столь прелестного – за исключением твоей матери, естественно.

Роланд разводил лесных курочек? Такого Бинк и вообразить не мог. Он молчал, боясь того, что услышит дальше.

– Я совершил ошибку, рассказав Бьянке о курочках, – продолжал Роланд. – Боюсь, она стала к этой теме чересчур чувствительна, и тебе за это досталось. Такое случается.

Выходит, мать ревновала отца к прошлому, к событию, произошедшему еще до женитьбы. Надо же, в какую бездну чувств вляпался Бинк!

Лицо Роланда посерьезнело.

– Неискушенному молодому человеку сама мысль о прелестной обнаженной пленнице-нимфе представляется невероятно соблазнительной. Все физические свойства настоя-

щей женщины – и полное отсутствие свойств умственных. Но, сынок, это лишь юношеская греза, вроде мечты о конфетном дереве. Действительность была бы очень далека от твоих ожиданий. Изобилие сластей быстро пресыщает – как и безмозглое женское тело. Человек не может любить нимфу. Это все равно что любить призрак. Страсть быстро переходит в скуку, а потом и в отвращение.

Бинк все еще не осмеливался подать голос. Он не сомневался, что уж ему-то нимфа никогда бы не прискучила.

Роланд понимал его, даже слишком хорошо.

– Тебе, сынок, нужна настоящая, живая девушка, – заключил он. – Не только личико, но и личность, с острым и вредным язычком. Водиться с настоящей женщиной куда как интереснее – и нередко очень мучительно, – он со значением взглянул на дверь, в которую вышла Бьянка. – Но в конечном счете муки окупаются сторицей. То, что ты искал в куралесной нимфе, – это легкий путь, а в жизни легких путей не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.